

Анастасия КИРИЕНКО

НАМ ОСТАЕТСЯ ЛЮБОВЬ

О книге документальных повестей Любви Шашковой
«Расскажи мне о себе» («Abai baspasy», 2021)

Любовь Константиновна Шашкова, имеющая среди прочих многочисленных регалий звание народного писателя, известна казахстанскому читателю в первую очередь как поэт. Поэт, имеющий белорусские корни и идентичность, но при этом работающий на материале русского языка, о чем доктор филологических наук, профессор Виктор Владимирович Бадиков в предисловии к книге её стихов, поэм и переводов «Два вольных крыла» (символизирующей в названии две ее родины – Казахстан и Беларусь) замечает: «У Л. Шашковой язык творчества (безукоризненно русский) всё равно получил и предметно-словарную, и внутреннюю духовную прививку исторической “батьковщины”. И это только украсило и обогатило как её русский язык, так и её художественный мир».

Любовь Константиновна за свою литературную карьеру, да, именно карьеру, которую метафорически принято сравнивать с лестницей, не всегда прямой и с крутыми подъемами, прошла длинный, непростой, но безусловно интересный, разнообразный путь. Как следует из её официальной биографии, родившись в 1951 году в деревне Василёвке Гомельской области, с 1971-го она проживает в Казахстане. Здесь она состоялась как писатель и публицист, получив профильное образование в КазГУ и проработав в разные годы редактором и литературным консультантом в крупных и значимых газетах, издательствах.

Багаж и опыт, накопленный за время труда в литературной редакции Казахского радио, издательстве «Жазушы», литературным консультантом в Союзе писателей Казахстана, обозревателем по культуре в «Казахстанской правде» и двадцать третий год в журнале «Простор» (последние девять лет – заместителем главного редактора), сотни статей, написанных ею о деятелях казахстанской культуры и литературы, закономерно сделали её одним из самых известных, авторитетных и титулованных казахстанских литераторов.

За это время в зачёте автора собрался внушительный творческий арсенал. Это и поэтические книги, и мемуаристическая проза, книги статей, очерков и эссе, а также составленные ею антологии стихов, публицистики и прозы (среди них три выпуска литературного альманаха «Казахстан – Россия» и «Казахстан – Беларусь» (2020 г.). Еще до конца нынешнего года в рамках казахстанско-белорусского круглого стола, инициированного председателем Союза писателей Беларуси Алесем Карлюкевичем, намечается презентация книги Любви Шашковой «Породненные войной и целиной» (РОО «СПК», 2024 г.) о 70-летнем сотрудничестве писателей двух стран, созданная на материалах белорусских архивов. Но всё же, на мой взгляд, самым искренним, пронзительным, написанным от сердца, с любовью и недосказанной болью произведе-

дением титулованного автора является книга документальных повестей «Расскажи мне о себе...».

Книга состоит из четырёх биографических повестей, написанных автором от первого лица как итог многолетней дружбы и долгих, откровенных бесед с удивительными собеседниками, обогатившими своим творчеством казахстанскую культуру. Чем особенно ценны эти произведения и какую мораль можно вынести за скобки после прочтения, так это то, что, невзирая на все трудности, лишения, а порой и несправедливости, выпавшие на долю рассказчиков, никто не считал себя обиженным, ущемлённым, бесправным. Агрессивный, беспочвенный и бесплодный феминизм, так нахально насаждаемый в казахстанском обществе в последнее десятилетие и кичащийся тем, что, дескать, в годы советской власти женщина была лишена права получать образование и реализовываться в карьере, утверждаться в социуме, никак не вяжется с тем, о чём рассказывают в своих воспоминаниях выдающиеся деятели культуры КазССР, женщины – Гульфайрус Исмаилова, Мария Бушмакина-Титова, Дарига Тналина и разбавляющий их компанию выдающийся хоровой дирижёр народный артист СССР Анатолий Васильевич Молодов.

Нет в их воспоминаниях места и раздуваемому национализму, ущемления по языку или культуре. Есть человечность, альтруизм, подвижничество и безмерная, фанатичная преданность своему делу, родине. Априори выбор героев определяет и нравственный, общественный идеал самого автора. Многогранные, сложные и своего рода назидательные фрагменты жизни, из которых складывается судьба, учат главному – не пасовать перед трудностями, не сгибаясь, следовать своему призванию, коли ты призван.

Но финальная, завершающая часть книги – «Счастливые времена. Письма к дочери» являет собой совершенно другой взгляд на роль женщины в обществе и на то, что в итоге определяет её счастье.

Совершенно небольшая по объёму повесть состоит из четырнадцати писем. Писем, адресованных дочери мамой, для которой данный вид общения, разговор в письмах, посланных в вечность – это и форма терапии, и благодарность, и позднее материнское покаяние за то, что не было сказано, сделано, прожито. Психологи утверждают, что до трех-четырёх лет все мы в большей или меньшей степени подвержены детской амнезии. Да чего уже там, и чем старше, тем явственнее спотыкаемся мы о «тут помню, там не помню». Вспоминается, как правило, объективно хорошее и тёплое. Универсальные архетипы того, что остаётся в детстве. Плохое, сложное, непреодолимое – это для взрослых. В детстве – чистота и простота.

В первом письме мама Люба посвящает дочери незатейливо зарифмованные, как из детских книжек-малышек, строчки: «Выдохну легонько: / Оля-Оленька. / Прозвенит звоночком / Мне навстречу дочка». <...> Мама рассказывает то, что было Оле интересно, о чем обычно спрашивают повзрослевшие дети, как родилась она у молодых и потому беспечных родителей. «Отцу твоему исполнился 21 год, мне в ноябре – 19, а в декабре родилась ты». Счастье случилось в канун Нового года, в необустроенном быте, с тягостными мыслями об институте, родителях. Перед чудом рождения, которое дается свыше, всё уходит на задний план – остается только уверенность, что всё правильно и всё сложится хорошо. Так и вышло. Всё завертелось, и, как в любой молодой семье, союз которой благословлен небесами, пришла помощь и удача. Из неупорядоченного быта в Свердловске семья переехала в Казахстан, г. Темиртау. Прожив там десять лет, остались в Казахстане навсегда. Темиртау стал для молодой семьи не просто «стартовой площадкой» и точкой отсчета. «Казахстанская Магнитка – колыбель моя...» – так пишет благодарная мама Люба. Су-

ровый климат разлучает маму и дочку на целых три года с передышками на летние свидания в родительском доме, в благодатной Беларуси.

Детство на Гомельщине, умиротворенные пейзажи ласкового лета на даче в Доманово, где до сих пор за звенящим ручьем притаился фронтовой окоп. Сетчатым узором яркой бабочки вплетены эти дни в сердца четырех поколений: бабушки с дедушкой – мамы Любы – дочери Оленьки и много позже – Оленькиных детей.

Жизнь, слегка замедлившаяся, затаившая дыхание, после не сбавляла темпа, и маленькая Оля, оставаясь без мамы на попечении отца, скучала по ней, так родилась и её первые стихи. Письмо за письмом мама рассказывает дочери то, что было отложено до призрачных лучших времён, до тех дней, когда, казалось бы, будет некуда спешить. Как часто приходится слушать о планах, хобби, путешествиях, маленьких радостях, которые почему-то откладываются «на потом», на старость. В старости, как правило, уже не так много сил, энергии и интереса ко всем процессам, столь желанным в юности.

Наверное, самое сложное и не всегда подвластное нам – баланс. Сегодня, в дни покаяния и переосмысления вековых устоев, часто встречается мне расхожая выдержка из высказываний неких стариков, доживающих последние дни в хосписе и вроде как дающих напутствие молодёжи, как жить. В сумме эти советы складываются в то, что не стоит «перетруждаться», «гореть на работе» и быть преданным своему делу. Так, с лёгкостью лавировать по жизни, путешествовать, не обременять себя обязательствами, чтобы, дескать, на одре не сожалеть об утраченных возможностях. Правильно ли это? Кто в таком случае тогда будет лечить, учить, созидать, защищать? Как жить в мире, где по большому счёту никому и ничего не нужно?

Практически в каждом письме мама Люба косвенно и впрямую сетует, что не уделяла достаточно времени семье, что Оля чаще оставалась на дедушках-бабушках и других родственниках, а она работала. Мама оправдывается, говоря, что и идеология того времени была иной. Никто не настаивал, что удел женщины – это только семья. Но оправдания здесь и не требуются. Для советского человека понятие профессионального долга, самоотдачи было первичным. Тылы были надёжны, так или иначе мама была рядом, и Оля росла в любви, а её всегда не хватает. Но и мамина упорная учеба и работа, и увлечённость своим делом отца закладывали в девочке так презираемый нынче перфекционизм.

В 1981 году семья перебирается из Темиртау в Алма-Ату и поселяется в небольшом, но уютном доме в Тастаке. Новое место, большой город, возможности, встречи, перспективы. Все последующие события и коллизии в жизни семьи, взрослении Оли интересно читать и как истории в лицах о первых годах становления независимого Казахстана. Календарь с портретом первого президента к первым выборам, диковинная электрическая печатная машинка и немислимый в сегодняшней рыночной экономике, но такой необходимый по тем временам гонорар – белая зимняя куртка и сапожки. Начало девяностых. Оленька всегда при маме и в окружении интересных людей – Надежда Чернова, Руфь Тамарина, Гульфайрус Исмаилова, Евгений Курдаков, Кайрат Бакбергенев... Оленька – студентка филфака КазГУ. А жизнь складывается не всегда ровно. Мама Люба стала бабушкой прекрасной внучки Саши, но, видимо, не зря иногда первый брак называют «тренировочным». После первого замужества Оли последовало и второе, появились мальчики – Никита и Георгий, и Оленька расцветет в своей материнской любви, в профессиональном признании коллег, со временем заняв должность главного редактора новостей на «Хабаре».

Счастливые времена! – всё ладится, всё удаётся. Но отчего же нет-нет и кольнет память о портрете Оленьки кисти Вадима Сидоркина, написанном накануне дочкиной свадьбы. Это сегодня мама Люба понимает его ценность – фотография Оленьки с портретом помещена в заглавие повести. Тогда же она оценила его так: «...чаще всего его портреты комплиментарны, твой произвёл на меня удручающее впечатление, которым я не могла ни с кем поделиться». Надо заметить, что и глаза у Оленьки, позирующей на фото с портретом, трепетно-грустные. С первых страниц повести нежность и печаль, неотвратимость наступающей беды считаются

завуалированной тоской, сожалением, пониманием, что ничего нельзя изменить, даже если кажется, что можно.

Бог есть бесхитрость и простота. Без утайки мама Люба делится всем, что было. Радуетя и хвалится, что состоялась как бабушка, погрузившись в воспитание Сашки, Никитки и Гоши. По-детски восхищается природой Тургенского ущелья и полагает, что именно так выглядит рай. Многие что состоится, сложится, чаша могла бы быть до краёв полной, но так бывает, появилась трещина, щель. Через неё потихоньку, не всегда заметно вытекает печаль, окропляется слезами утрата, которую не восполнить.

Эта небольшая искренняя повесть, как назидание, напоминание, совет – цени всё, пока оно с тобой, твое, рядом. Никто не в силах разорвать цепи судьбы. Они давно скованы за нас. Не каждому дано испытать, полюбить и иметь смелость без утайки рассказать. Эта повесть – исповедь. Это любовь и боль, и молчание, и откровение, которым не находилось время в суете быта. В последнем, завершающем письме к Олюшке мама Люба, как и дочка, приходит и обращается к Богу. Ведь Бог есть любовь. Эта повесть и все события, рассказанные в ней, и есть свидетельство многогранной и не всегда простой, абсолютно безусловной любви. Любви матери к своему дитя. Любви к жизни – всепоглощающей и благодарной.

